

ЭКСМО

Виктор Пронин

слишком БОЛЬШОЕ
СХОДСТВО

Виктор Пронин
Ночь без любви

«ЭКСМО»

2000

Пронин В. А.

Ночь без любви / В. А. Пронин — «Эксмо», 2000

© Пронин В. А., 2000

© Эксмо, 2000

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Виктор Пронин

Ночь без любви

* * *

Костя сидел в пустой машине и, положив руки на баранку, рассеянно слушал, как стучит дождь по крыше. Фары были выключены, стекла опущены. На ветровом стекле собирались капли и рывками стекали вниз. В мокрых боках автобусов отражались огни аэропорта, освещенный подъезд, голубоватые фонари на высоких столбах. Последний самолет прибывал около двенадцати, и Костя знал, что до полуночи будут слоняться подвыпившие грузчики, будут светиться окна да похрипывать музыкальный агрегат в ресторане на втором этаже.

– Эй, дружок! – В машину заглянул грузчик в потрепанном халате. – Не угостишь сигареткой? А то, понимаешь, кинулся по карманам...

– Угощу. – Костя, не глядя, взял с сиденья пачку, встряхнул, чтобы из прорванной дырки показалась сигарета, протянул в окошко.

– Может, и погреться пустишь? – улыбочиво спросил грузчик.

– Пущу. – Поддержнув вверх стопорную кнопку, Костя открыл дверь, убрал с сиденья сигареты и бросил их в ящик, где уже лежало несколько пачек.

– Ждешь кого? – Спрятавшись от дождя и от глаз начальства, грузчик, видимо, посчитал себя обязанным развлечь Костю разговором.

– Шеф отдыхает.

– Большой человек?

– А! Начальник стройуправления.

– Неплохо. Я бы не отказался.

– Я тоже. – Повернувшись к грузчику, Костя увидел щетину на подбородке, провал в зубах, замусоленный воротник синего халата.

– С бабой небось?

– Да, – неохотно ответил Костя.

– То-то здесь духами пахнет. Хорошие духи. Видно, стоит того?

– И даже больше.

– Молодая?

– В самый раз.

– Красивая? Да-а, – протянул грузчик, не дождавшись ответа. Он затаился, окинул взглядом площадь, огни, распахнутые окна ресторана. – Таким здесь самое место. Ни лишних глаз, ни лишних вопросов, ни ответов... Согласилась поужинать, и все. Остальное ясно. Значит, согласилась и на остальное. Вежливо, обходительно, без грубых слов и грязных намеков, а? И всегда есть шофер, который доставит в любое время дня и ночи, в любом состоянии, в целости и сохранности... А? – Грузчик рассмеялся, прикрывая рот рукой. – Можно, конечно, выпить и дома, но это не то. Коньяк нужно не только уметь заработать, его нужно уметь выпить. Верно?

– Было бы что, – уклончиво ответил Костя.

– Тоже правильно. – Похоже, грузчик со всем соглашался, и была в этом какая-то своя мудрость. – Ну, бывай. Спасибо за гостеприимство. – Он захлопнул за собой дверцу и, согнувшись под дождем, зачем-то подняв куцый воротник синего халата, затрусил к багажному отделению.

Костя включил «дворники», и стекло снова стало прозрачным. Из здания вышла девушка и, пробежав под дождем, упала на сиденье – Костя едва успел распахнуть дверцу. Она даже

намокнуть не успела, только в волосах остались капли дождя. От нее пахло табаком, и это вроде бы незначительное обстоятельство начисто разрушило благодушное настроение Кости. Болезненно остро он ощутил, что это не его девушка, что, хотя и сидит рядом, прибежала она не к нему, просто захотелось сменить обстановку. И, перебросившись с ним несколькими словами, она снова убежит туда, на второй этаж, где пьют коньяк, где играет музыка и зреет в девичьих душах согласие, готовность, нетерпение, а мужчины набираются отчаянной решимости, убеждаются в своем превосходстве и силе.

– Привет! – сказала Таня. – Скучаешь? Томишься?

– Да нет... Сплю.

– Смотри... Счастье проспишь.

– Авось.

– Не помешала?

– Сиди. Трезвей, – протянул Костя, стараясь, чтобы это прозвучало равнодушно, не опасаясь, что это прозвучит пренебрежительно.

– Да я и не пила! Нет настроения... Паршиво почему-то... Сама не знаю отчего. У тебя такое бывает?

– Все бывает...

– И как лечишься?

– По-разному... Чаще само проходит. Как шеф? В норме?

– Он всегда в норме, – чуть назидательно сказала девушка. – Разве нет?

– Почти, – уточнил Костя. – Почти, Таня.

– Ты знаешь случаи, когда Анатолий забывал о норме?

– Как тебе сказать... У нас с тобой разная система оценок. С тобой он всегда в норме, всегда в порядке.

– Смотря что иметь в виду.

– Вот и я о том же, – усмехнулся Костя. – Он не спешит?

– Ждет самолет. Не может пропустить такое зрелище. Он и столик всегда занимает у окна, чтобы все летное поле было как на ладони. А когда появится самолет, даже выпить забывает.

– Значит, хорош... Не знаю, что его в этих самолетах тревожит?

– Что-то должно тревожить человека. Разве нет?

– Конечно, Таня! Само собой. Это мы уж по невежеству своему и темноте...

– Заткнись.

Она открыла свой ящик, взяла пачку сигарет, с хрустом вскрыла ее, прикурила, бросила пачку на место и захлопнула крышку. Косте не понравилось, как она все это проделала. Словно здесь не было хозяина и она могла вести себя, как ей заблагорассудится. Даже когда кто-то прикасался к машине, у Кости появлялось ощущение, будто ему на плечо положили руку. Он ловил себя на том, что морщится, когда машину встряхивает на ухабах, когда щебенка каменным дождем бьет по стеклу и днищу. И сейчас не смог промолчать, зная заранее, что не будут неприятны его слова.

– Куда сейчас едем? К тебе?

– А тебе-то что? – Она так посмотрела на Костю, будто это не он заговорил, а машина. – Знай крути. В остальном мы как-нибудь разберемся. – Она затянулась и пустила дым над собой.

– Я знаю, что мое дело крутить... Доставлять вас в хорошие места, увозить из хороших мест... В хорошем состоянии... Да еще хорошо себя при этом вести. Это я знаю. Анатолий не устает мне напоминать об этом. Теперь вот и ты напомнила. Мало, оказывается, делать свое дело, надо, чтобы тебя еще мордой время от времени тыкали... Чтоб не забывал, кто ты есть.

– Ну, прости! – Таня положила руку Косте на плечо, слегка встряхнула его. – Не дуйся, ладно? Сам же полез, сам начал! Вот и получил.

Дождь кончился. Они вышли из машины и остановились под фонарем. Что-то прогнозировал диктор – где-то задерживались самолеты, отменялись рейсы, возникали и исчезали технические причины.

– Я почему спросил... – примирительно сказал Костя. – Не знаю, хватит ли бензина, ты ведь не в центре живешь...

– Да? Так ты о бензине печешься? – спросила Таня с усмешкой. – Тебя и в самом деле это беспокоит? – И Костя почувствовал, что краснеет. Он вспомнил, что она была уже в машине, когда они заехали на заправочную станцию недалеко от аэропорта. – Послушай, – Таня резко повернулась к нему, – а может, ты ревнуешь, а? Признавайся!

– Но это ведь не отражается на работе?

– Когда как... Послушай, Костя, а у тебя есть девушка?

– Девушка? Смотря что иметь в виду.

– Да брось! Что можно иметь в виду, когда говоришь о девушке! Существо, которое ты любишь, которое любит тебя, которое ты балуешь иногда, с которым озоруешь... Так есть?

– Сказать «нет» – совестно, в этом не признаются, сказать «да»... врать не хочется.

– Тяжелый случай. А почему, Костя?

– Не знаю... Я вот машину балую.

– А я бы подошла тебе?

– А говоришь, что не пила.

– Отвечай на вопрос!

Костя тронул ее короткие светлые волосы, провел тыльной стороной ладони по щеке. Она была более свободна в словах, могла говорить о чем угодно и заходить в этом разговоре как угодно далеко. Он не мог. Что-то мешало. Может, подчиненное положение, шоферская зависимость. «Как просто у нее получается, – подумал он, – как просто! Повеситься хочется от этой простоты. Послушаешь ее, посидишь рядом... и начинаешь сомневаться в самом очевидном, собственная добродетель, кажется, и гроша ломаного не стоит. Да что там гроша – о ней заикнуться стыдно. Надо же, до каких времен дожили – честность, искренность, наивность приходится скрывать как что-то позорное...»

– Так что? Подхожу я тебе? – настаивала Таня.

– Много выпила?

– Вообще-то... сама не заметила как... Уж очень Анатолий настаивал. Даже не знаю, зачем ему это понадобилось...

– Действительно! Ни за что не догадаться!

– Кончай язвить! Значит, не гожусь? Не подхожу?

– Годишься, Таня. И сама знаешь. Если б не знала, не спрашивала бы... Тебе же не ответ нужен, хочется еще раз меня мордой ткнуть...

– Опять за свое! Так нельзя, Костя. Знаешь, на кого ты похож? Ты напоминаешь мне свадебную машину. Катят все в лентах, шариках, бантиках, куклы на радиаторах, колокольчики над крышей... Едет жених и больше всего боится, чтобы шарики не лопнули, чтоб не зацепились за забор, за столб, за дом... Не надо, Костя. Это от слабости. Нельзя же всю жизнь ездить на свадебной машине.

– Нет, – сказал Костя, – я не так уж и слаб. Ведь самолюбие Анатолия ты не испытываешь? Почему? Заранее приняла, что он имеет на него право. Воздушных шариков на нем навешано не меньше, но ты себя ведешь как гаишник – останавливаешь все движение, чтоб, не дай бог, никто его не зацепил. Все ясно, он начальник управления, у него в подчинении сотни таких, как я, а если он над нами, значит, и выше нас, и лучше...

– А разве это не так? Разве это не так, Костя?

– Нет. Как шофер я даже лучше, чем этот любитель самолетов как начальник стройуправления. Поладить с ним несложно – ублажай, и все. И не говори мне, что у вас любовь или

что-то в этом роде. Знаешь, со стороны виднее. Вы уже покатались... Набрали скорость. А что впереди, догадаться нетрудно.

– Думаешь, покатались? – растерянно переспросила Таня. – Костя, ты знаешь его жену? Что она такое?

– Он от нее не уйдет.

– Красивая?

– Не сказал бы... Тебе в подметки не годится.

– Умная? Умнее меня?

– И здесь можешь быть спокойна. Она не дура, нет. Но она... курица. У нее все решено раз и навсегда. Все знает, все понимает. Но лучше всего знает, что сколько стоит, на что меняется, какова доплата... Тем и живет. Успокоилась. И напрасно.

– Почему?

– Она не знает Анатолия. С ним нельзя успокаиваться. Но от нее он не уйдет.

– В чем же дело? Детей у них нет... А, Костя?

– Дело в должности. Это для него главное. Развод повредит ему, сделает уязвимым, уменьшит зарплату. Кроме того, он может лишиться этой вот машины... И тогда не сможет... Не сможет дружить с такими девушками, как ты, поступать, как ему хочется, ездить на самолеты смотреть. Он думает, делает, говорит только то, что от него требуется, что от него ждут, за что ему платят деньги.

– Невысокого же ты мнения о своем начальстве.

– Шоферам позволено. Если это не отражается на их работе.

– Непонятно вот только, почему ты всего-навсего шофер?

– А кем бы ты хотела меня видеть?

– Занимай кабинет Анатолия.

– И тогда ты согласишься на меня ласковее?

– Да, Костя. Тогда я стану совсем ласковая. А ты перестанешь думать о воздушных шариках.

– И что происходит с людьми! – Костя ударил кулаком по столбу. – При хорошей должности уже не имеет значения, дурак ли этот человек, сволочь ли он, вор! Он попросту обязан воровать, обязан блудить, подличать, может быть, никто не заподозрил бы его в слабости, лишь бы доказать, что его не собираются снимать, что его положение прочно и незыблемо!

– Ты говоришь об Анатолии?

– Думаешь, сверхурочные за эти вот поездки он платит из своего кармана? И за бензин тоже? А машина ломается, он что же, за свои деньги будет ее ремонтировать? А коньяк он пьет за свои? За свои коньяк никто не пьет. И делают его не для тех, кто пьет за свои.

– Костя, – Таня положила ему руку на плечо, – не надо считать чужие деньги, ладно? Мне почему-то не нравится это занятие. Если уж мы начнем... нам ни на что другое не останется времени. В мире столько денег и столько людей, которые владеют ими без достаточных оснований... Которые тратят их пошло, бездарно, оскорбительно для окружающих... Не будем, ладно? Вот смотри – рядом с тобой стоит красивая женщина... Неужели она не стоит твоего внимания? – Таня стояла, прислонившись к столбу, сложив руки на груди. Поза вроде и вызывающая, но была в ней какая-то незащищенность. Костя отвел ее волосы в сторону, заглянул в глаза.

– Спокойно, Костя, – сказала Таня, поняв его состояние. – Только без рук! Только без рук! Все в порядке.

– Не вижу никакого порядка.

– Наведи! – Она передернула плечами.

– Давай бросим его к черту! Пусть смотрит на самолеты!

– Нет, Костя, ничего не получится. Он выгонит с работы тебя, перестанет звонить мне, и мы с тобой не сможем видеться даже в таких вот ворованных условиях. Это он нас познакомил, благодаря ему мы встречаемся, ты ведь никогда не заезжал за мной по собственному желанию, ты заезжал, лишь когда он посылал тебя. Может быть, эти задания ты выполнял охотнее других, но это были его задания.

– Я плохо поступал?

– Почему же! Ты очень исполнительный водитель. Он тебя ценит, доверяет даже такие вот деликатные дела. И мне ты тоже нравишься. Как водитель.

– Спасибо. Рад стараться.

– Слушай, ты усвоил какие-то лакейские замашки, тебе не кажется? Делаешь свое дело, но с обидой, причем даешь понять, что обиду не забудешь. Не надо, Костя. Это тоже от слабости. Возьми себя в руки.

– Я вижу, тебе приятно думать, что я слаб.

– Опять не то! – воскликнула Таня с досадой. – Я хочу видеть тебя сильным! Это ты можешь понять?! И не торопись мне что-то отвечать, а то опять начнешь обижаться! Если ревнуешь, то хоть ревнуй по-человечески!

– Это как?

– Поступками! Все на свете нужно выражать поступками! Любовь! Ненависть! Мечь! Слова мешают, Костя! Все в них теряется, разжижается, исчезает. Слова уходят, а поступки остаются. Надо реже говорить и чаще поступать.

– Это тебе Анатолий сказал?

– Да. Он. И я с ним согласилась.

– Сразу согласилась?

– Сразу. Я тоже так думала, но не могла выразить вслух. Могу сказать больше: он частенько говорит такое, с чем не хочется спорить.

– И ты не споришь?

– И ты, Костя, тоже. Разве нет?

Динамики, спрятанные где-то в мокрой листве деревьев, неожиданно громко, на всю безлюдную площадь сообщили, что самолет приземлится через полчаса.

– Слушай, Костя, давай прокатимся, а?

– Не возражаю.

Он сел в машину, подождал, пока сядет Таня, включил мотор, развернулся и нырнул в коридор из темных деревьев. Угадав поворот, Костя, почти не снижая скорости, свернул в сторону от города. Шоссе влажно блестело в свете фар, капли на ветровом стекле ползли в стороны, встречный поток воздуха сдвигал их к дверцам. Таня сидела неподвижно, откинувшись назад и скрестив руки на груди.

– Люблю ночную дорогу.

– А скорость?

– И скорость люблю. И встречные огни... И ветер в лицо. Я опущу стекло, ладно?

– Промокнешь.

– А! Плевать. Я не слишком грубо выразилась?

– В самый раз.

– Надо же... Что ни сделаю – все для тебя в самый раз!

– Что делать... Что делать... Я не вижу в тебе недостатков.

– Ни одного?

– Когда ты со мной – ни одного. Но ты просто обрастаешь недостатками с головы до ног, когда в машине появляется Анатолий.

– Значит, все-таки ревнуешь. Это уже хорошо, это уже кое-что...

– Что же тут хорошего?

- Это говорит о том, что ты живой человек.
- А ты в этом сомневалась?
- Да! Да! Да! Поехали назад. А то Анатолий даст тебе хороший нагоняй.
- А тебе?
- Мне? Нет. Он мне верит. И правильно делает.
- Ты ведешь себя примерно?
- Да! Хотя нет. Я не веду себя примерно. Но Анатолий поступает правильно, доверяя мне.
- Разумеется. Он мудрый руководитель, чуткий товарищ, прекрасный...
- Перестань!
- Что перестать?
- Перестань душить. Перестань соглашаться со мной. Перестань дураком прикидываться.
- Слушаюсь. Мы приехали. Он уже ждет. Видишь?
- Вижу.
- Кому-то из нас достанется, а?
- Авось!
- Каяться не будем?
- Перебьется. Невелика птица.
- Как знать, – усмехнулся Костя. – Как знать.
- Ничего, время от времени его нужно на место ставить. И потом нас двое, а он один.
- Думаешь, нас двое? Скорее вас двое.

Анатолий стоял у перил, и его мощная фигура была видна издали. Он наслаждался видом приземляющегося самолета. Красные огни появились неожиданно низко, вынырнув из-за туч, и стали быстро приближаться к земле. Самолет увеличивался прямо на глазах, будто разбухал. Наконец его толстые колесики коснулись бетонной полосы, и он подпрыгнул, еще раз подпрыгнул, уже тяжелее, и побежал, провисая крыльями.

И лишь тогда Анатолий повернулся к машине.

– Что, ребята, покатались? – спросил он как-то уж очень доброжелательно. Не только его плечи, руки, но даже щеки, губы, брови казались сильными, натренированными. – Далеко были?

- До поворота и обратно, – ответил Костя, хотя знал, что обращаются не к нему.
- Таня, далеко прокатились?
- Он же говорит – до поворота... Садись. Поздно уже. Поедем.
- Ты так думаешь? Хорошо. Поедем. Куда?
- Домой, куда же еще?
- Да? – У Анатолия была привычка переспрашивать, будто он был удивлен словами собеседника и даже огорчен. – Ты сказала, домой?
- Сказала. – Таня подтверждала свои слова, но так, словно настаивала не на смысле, а на том, что действительно их произнесла и не собирается это скрывать.
- А может, полетим? Через полчаса последний самолет. Билеты есть. Деньги есть. Я здесь. Ты тоже в наличии. Так что? Летим?
- Куда?
- Понятия не имею! Сядем и полетим. А? Слабо? – Анатолий наклонился к машине и глянул Тане в глаза, глянул напористо, требовательно, шало. Короткие жесткие волосы его намокли, плащ был распахнут, сильная рука лежала на дверце машины, готовая рвануть ее, раскрыть, вытащить Таню из машины и втолкнуть в самолет. – Ну? И даже спрашивать не будем, куда он летит, когда вернется, да и вернется ли вообще... Прилетим в какой-нибудь город... Певек, Ташкент, Сочи... Поселимся в гостинице...
- Костя возражает. – Таня улыбнулась.
- Костя? А кто это?

– Твой водитель.

– А... – протянул Анатолий. – Ну, раз водитель возражает... Тогда, конечно... Главное, чтоб водитель дал согласие, позволил, сжалился... А знаешь, мы его с собой возьмем! Уж коли вам так пришлось по душе совместные прогулки... Ты как, Костя?

– Спать хочется, Анатолий Васильевич...

– С кем?

– Как скажете, Анатолий Васильевич...

– Костя! – предупреждающе повысила голос Таня.

– Что? – он резко повернулся к ней.

– Опять шарики!

– О каких шариках речь? – настороженно спросил Анатолий.

– О воздушных, – ответила Таня. – О разноцветных воздушных шариках, которыми украшают свадебные машины. Ты, наверное, видел на улицах. Они выются на ветру и создают праздничное настроение, как бы обещая молодоженам долгую и счастливую жизнь, наполненную приятными встречами с хорошими людьми, обещают любовь и согласие...

– Хватит! – оборвал ее Анатолий. – Я смотрю, вас нельзя оставлять наедине слишком долго. Мы летим?

– Конечно, нет. Садись. Садись, Толя! Полетим как-нибудь в другой раз. Сегодня погода нелетная.

– Хорошо. – Анатолий подошел к машине с левой стороны, распахнул дверцу. – А ну-ка, парень, вылезай. Я сам поведу.

– А может, не надо, Анатолий Васильевич? Сейчас погода того... Дорога не совсем... Как бы чего не вышло, а то ведь как бывает...

– Вылазь, говорю!

Костя совсем близко увидел крупные глаза Анатолия, красноватые даже в вечернем освещении, налитые силой плечи, почувствовал решимость настоять на своем. Но все-таки сделал еще одну попытку:

– Дождь, дорога скользкая, видимость...

– Вылезай!

Еще по дороге сюда Костя понял, что на обратном пути Анатолий захочет сам повести машину. Так уже бывало не раз, и большой проницательности тут не требовалось. И теперь, когда тот натолкнулся на сопротивление водителя да еще рядом была Таня, слышала их разговор... Нет, подумал Костя, его уже ничто не остановит. Прошел тот миг, когда Анатолий мог отказаться от своей затеи легко и беззаботно, когда он мог шутя упасть на заднее сиденье, посадить рядом Таню и вообще забыть и о дороге, и о машине, и о Косте.

– Чему вы учите молодых водителей? – попытался пошутить Костя.

– Да? Действительно, – неожиданно сдался Анатолий. И сел на заднее сиденье. – Пусть будет по-твоему. Но я не хочу, чтобы Таня сидела рядом с тобой. Мне это не нравится. Меня охватывают тревога, сомнения и другие нехорошие чувства, когда я вижу вас рядом, впереди... Я кажусь себе позабытым и заброшенным. Мне горько, вы не поверите, но я плачу...

– Ты же знаешь, что я люблю сидеть впереди, – сказала Таня, не оборачиваясь.

– Да? – переспросил Анатолий. – Ну, тогда другое дело, оставайся там, где сидишь. Не возражаю. Уж если говоришь, что любишь...

– Люблю ездить, – холодно вато поправила Таня.

– Кстати, у тебя тушь растеклась по щекам... Глядя на тебя, можно подумать все, что угодно... Стоило тебя отпустить на полчаса, и вот нате вам – сидеть рядом не хочет, говорит сурово, водитель ведет себя дерзко, непочтительно, приказы не выполняет... Да еще эта тушь... Будто кто-то целовал тебя прямо в глаза...

Не отвечая, Таня вышла и, хлопнув дверцей, быстро пошла к ресторану. Через несколько минут она вернулась умытая и посвежевшая. И снова села впереди, рядом с Костей.

Машина, описав полукруг по площади, уже готова была свернуть к трассе, но Анатолий положил руку Косте на плечо.

– погоди, парень. Давай снова к подъезду. Курево надо взять. Не в службу, а в дружбу, сходи в ресторан, возьми... Деньги есть?

– Найдутся.

Вернувшись, Костя увидел, что Анатолий сидит за рулем. И не удивился. Еще там, в ресторане, покупая сигареты, он догадался, зачем Анатолию понадобилось посылать его за куревом.

– Вот так с вами надо! – довольно рассмеялся Анатолий. – Садись, а то автобусом придется добираться. Да и автобусов, похоже, уже не будет.

Таня не произнесла ни слова. Она вообще не вмешивалась в отношения начальника с водителем. С Анатолием разговаривала так, будто Кости и не было в машине, а с Костей – только когда рядом не было Анатолия. Это устраивало всех, и никто не пытался нарушить установившийся порядок.

Остались позади огни аэропорта, и уже через несколько минут машина мчалась по мокрой мерцающей трассе в полной темноте. Только зыбкий свет фар позволял держаться дороги. Дождь не прекращался, и «дворники» едва успевали разгребать в стороны потоки воды. Прогрогнув, Таня надела куртку, подняла стекло. В машине стало тише, дождь отдалился, а сидевшие в машине стали словно ближе друг к другу.

– Смотри, шофер, как надо водить машину! – сказал Анатолий, глянув на Костю в зеркало. В продолговатом овале Костя увидел полные решимости глаза, шалую улыбку, даже от сильных плеч Анатолия, от его затылка, казалось, исходила какая-то веселая злость. Видно, что-то произошло у них с Таней в ресторане, подумал Костя. И она раньше вышла, и он вот гастроль дает, успокоиться не может. После поворота, когда машину чуть было не выбросило на обочину, Костя не сдержался.

– Три с минусом, – сказал он негромко, будто про себя.

Не отвечая, Анатолий прибавил скорость. Приближаясь к городу, он обогнал полуночный автобус, набитый спящими пассажирами, сделал несколько сносных поворотов, почти не сбавляя скорости, проскочил железнодорожный переезд. Все-таки трезвым он водил неплохо, но как-то любительски красуясь. Как иногда перед зрителями принимает позы вратарь – ему мало отбить мяч, он еще должен взять его в прыжке, перевернуться в воздухе, покатиться по траве...

– Не скупись, Костя, не надо скупиться... Для друзей. Что я вам, ребята, хочу сказать... Можно? – Анатолий игриво толкнул Таню плечом. – Можно поделиться наболевшим? А то какие-то вы смурные сидите. Будто затеяли что-то, да никак удобный момент не выберете... Так поделиться?

– Поделись.

– Да? – Анатолий подозрительно покосился – Таня ответила, видимо, не так, как ему хотелось. Помолчав, он решил продолжить: – Так вот... Каждый человек должен иметь призвание...

– Смело! – бросила Таня.

– Смешно, да? Думаешь, обалдел Анатолий от выпитого... Ни фиги. Я говорю не о тех, кто споет лучше всех, спляшет, стишок сложит или чего-то там кого-то там изобразит – на это высокое искусство я не покушаюсь. Если вот Костя, водитель наш, большой в своем деле мастак, то честь ему и хвала! И грамоту я ему к празднику вручу, и премию пожалуйю...

– Премия – это хорошо, – обронил Костя.

– Я не об этом!

– Так о чем же ты? – раздражаясь, спросила Таня.

– Скажу, не погоняй... Или торопишься? Не знаю, куда тебе торопиться... Меня вон жена ждет, все глаза проглядела, Костю родители дожидаться не могут, чтоб узнать, как начальство веселится... Но Костя им об этом не рассказывает, а если б рассказал, то давно бы уже на бульдозер перешел, верно, Костя?

– Мне и на бульдозере было бы что рассказывать, – усмехнулся Костя.

– Да? Тогда не будем... Так вот, Таня, все, кто может тебя ждать, здесь, в машине. Только мы с Костей – верные поклонники и воздыхатели, только мы – твои верные телохранители... Верно, Костя?

– Нет! – ответ прозвучал неожиданно резко. – Поклонник и воздыхатель – это в основном я. А уж телохранитель скорее вы, Анатолий Васильевич.

– Вон ты как... Не возражаю. А ты, Таня, не возражаешь, чтобы я был постоянным твоим телохранителем? Или, скажем, хранителем твоего тела. А?

– Это и есть наболевшее?

– О! Я и забыл... Заветным делюсь, цените! Что я хочу сказать... Каждый человек, я имею в виду не только нас троих, но и всех, кого мы знаем, кто знает нас, кого мы любим и кто любит нас, – Анатолий легко подтолкнул Таню локтем, – кто в чем-то на нас надеется и на кого надеемся мы... мы все должны приносить пользу.

– Сам догадался? – спросила Таня. Что-то произошло с ней сегодня – она все время старалась подковырнуть Анатолия, поставить под сомнение его слова, его самого, положение, которое он занимал.

– Не спеши хихикать, Таня. Мы должны приносить пользу своим близким, родным, любимым. Я говорю вам это как начальник строительного управления. А как частное лицо добавлю: главное – не ваша работа, не ваши обязанности и ваших душ прекрасные порывы... Главное – смежная специальность.

Дождь прекратился, и мокрый асфальт холодно поблескивал в лучах сильных фар. Встречная машина издали начинала мигать, предлагая убрать дальний свет, чувствовалось, что водитель там нервничает и злится. Анатолий усмехался, переключать на ближний свет не торопился, но в конце концов все-таки гасил слепящие лучи, и машина темной гудящей массой проносила мимо.

– Есть у нас в гараже вахтер... Костя, ты знаешь Петровича? Казалось бы, пустой челове- чишка, трезвым его можно увидеть, если уж очень повезет... Я его наказываю? Нет. Никогда. Я его поощряю. «Все пьешь, Петрович?» – спрашиваю. Это чтобы он не думал, будто обманул меня и я не заметил, что он пьян с утра. И опять же чтоб ценил мое расположение. Я не гоню его с работы, не объявляю выговор, чертовой зарплатой не лишаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.